

Золото Мадагаскара

Генри Бедфорд-Джонс

перевод Дмитрий Быков

Дмитрий Быков

Золото Мадагаскара

«Автор»
2026

Быков Д.

Золото Мадагаскара / Д. Быков — «Автор», 2026

Мадагаскар, май 1924-го. Капитан Тренчард ведёт шхуну к северному побережью острова — туда, где на картах нет ни бухты, ни укрытия, но матрос Юсуф клянётся: место существует. За ним охотятся конкуренты, берег кишит рифами и пиратскими ловушками, а тайна золота Мадагаскара готова стоить жизни каждому, кто подойдёт слишком близко. Динамичный морской палп Генри Бедфорд-Джонса: шторм, абордаж, честь капитана и цена сокровища, которое может обернуться проклятием.

© Быков Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I 6
Глава II 10
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Золото Мадагаскара

Генри Бедфорд-Джонс
Перевод Дмитрия Быкова
Оригинал: *Blue Book Magazine*, май 1924 г.
Произведение опубликовано в общественном достоянии.
Защищён авторский перевод: Дмитрий Быков, перевод, 2026.

Глава I

Большая шхуна, идущая с Сейшельских островов, приближалась к северо-восточной оконечности Мадагаскара. Был уже май, и она кренилась под напором юго-восточного муссона.

Двое мужчин стояли у правого борта, внимательно рассматривая в призматические бинокли пятна белесых скал, отмечавших мыс Дьябль. Оба были белыми. Дюжина смеющихся, беззаботных мальгашей бездельничала на палубе, в полной мере наслаждаясь стремительным скольжением шхуны со всем морским восторгом, унаследованным от далёких полинезийских предков. Китаец остановился у подветренного леера, ухмыляясь коричневым людям, когда выливал помои за борт; это был Ах Син, кок, гладкий и тучный кантонец, всегда улыбающийся и при этом обладающий невероятным коварством и злой жестокостью. Рядом с рулевым стоял помощник Юсуф, прибрежный араб. Он был высоким, полунагим, рябым, изрубленным шрамами, абсолютно бесстрашным. Замечательный моряк, он знал каждый дюйм этих северных берегов Мадагаскара, которые считаются одними из самых коварных, малоизвестных и опасных берегов в мире. Юсуф плавал с Тренчардом уже три года и останется с ним на всю жизнь. Эти двое были как один, и в их руках шхуна была не механическим предметом, работающим на ветру, а живым и разумным существом.

Тренчард, владелец этой шхуны, был худым, тихим, довольно невысоким человеком. Его черты были аккуратно высечены, очень смуглые, всегда спокойно поставленные; порой в его ровных серых глазах мелькала лёгкая и непостижимая улыбка. Он опустил очки и повернулся к своему спутнику — крупному и почти грузному человеку, чьё лицо выражало тяжёлую решимость. Тот хмыкнул.

— Уверен, что найдёшь это место, Тренчард?

— Нет, — тихо сказал Тренчард. — Я никогда там не был. Согласно картам, такого места не существует. Но Юсуф говорит, что оно существует — вот и всё.

— Ты и твой Юсуф! — Свенстрем рассмеялся полураздражённо и взглянул на помощника. — Доверять ему свою жизнь, а?

— Не его — мою собственную. — Тренчард сделал жест, словно этим дело и кончилось. Так оно и было.

— Не вижу никакого признака укрытия внизу, — проворчал Свенстрем, глядя в бинокль.

— Если бы ты видел, увидели бы и другие, — возразил Тренчард. — Мы скоро поймаем сигнал от Грениля, если он там. Следи за ним. Мне лучше подняться наверх, чтобы присматривать за коралловыми рифами.

Он повернулся к Юсуфу. Несколько слов на суахили прошли между ними; затем Тренчард взобрался в такелаж. Он замечательно умел высматривать рифы; и теперь, когда утреннее солнце было позади них, Юсуф на палубе, а Тренчард наверху, шхуна была в безопасности в этих неисследованных водах, словно в гавани Таматаве — хотя немногие другие поверили бы в это.

Весь этот участок побережья был необитаем, голый, пустынный. Шхуна шла мимо бухты Андрава, с мысом Дьябль и его цепью круглых отмелей к северу и Берри-Хед напротив, его голой красноватой землёй, уходящей назад в кустарник. Впереди побережье чередовалось длинными полосами блестящего белого песчаного пляжа и белесых скал и, казалось, шло прямо на юг без перерыва или укрытия, берега покрыты редким кустарником и уходят назад голыми красными возвышенностями к удивительному ориентиру всего этого побережья — горе Тумба, поднимающейся в форме орлиного клюва, с глубокой выемкой с правой стороны, и с этого подхода чрезвычайно заметной.

Тренчард, находясь наверху, внимательно следил за водой. Правда, они находились внутри обычного пути прибрежных пароходов, но любая авария здесь означала верную смерть

— не от моря, а от людей. Однажды пойманные здесь, однажды узнанные, шхуна могла ожидать пощады. Тренчард был рад, что солнце высоко и позади него, и что море неспокойно, ибо таким образом все условия были наилучшими для его задачи.

Юсуф знал воды, это правда; но он не был уверен в кораллах. Теперь шхуна начала слегка зигзагообразно двигаться, коричневые люди стояли у снастей, Юсуф смотрел на берег и тонкую фигуру наверху. Время от времени Тренчард указывал, затем двигал левой рукой или правой. Левая означала светлое коричневое пятно, предвещавшее глубину всего в три фута; правая — зеленоватую глубину в сажень или более. Свенстрем, наблюдая за всем этим, изумлялся и хмурился такому поведению, ибо ожидал криков и быстрых предупреждений. Эти двое, работавшие вместе, едва произносили слово и прекрасно понимали друг друга. Свенстрем был не дураком, был, собственно, необычайно бдителен; и всё же он был так же далёк от понимания Тренчарда, которого считал скорее высококлассным разбойником и безрассудным негодяем, как и от понимания Юсуфа, которого считал арабским головорезом. То, что он сам считал себя смелым и дерзким мошенником, весёлым парнем, смеющимся над законами, не помогало его пониманию. Однако в обычном ходе событий он вполне сработался бы с остальными. Он хорошо знал Грениля, и тот факт, что Гренилль принимал Тренчарда как равного себе, был высокой рекомендацией, ибо, как правило, Гренилль не имел дела с англосаксами.

Что именно стояло за Тренчардом, никто толком не знал, и сам капитан не был человеком, который об этом болтал. У Тренчарда была поразительная репутация среди тех людей, которые делают дела, — все клялись им; у него была и другая репутация среди тех людей, которые приказывают другим делать дела, — эти ругали его и предлагали награды за его голову. Среди французских колониальных чиновников, в частности, Тренчард вызывал отвращение. Дело было не столько в том, что он нарушал законы, сколько в его манере их нарушать. Хвастливые, драчливые гуляки, действовавшие по кодексу желания, с ними можно было справиться; но они были беспомощны против этого тихого человека, который относился к их законам с презрительным пренебрежением, чьё понятие абстрактной справедливости они не могли постичь и который, казалось, считал смуглого человека равным белому.

Свенстрем много слышал о Тренчарде, то тут, то там, но не видел этого человека до того утра, когда капитан пришёл в отель в Порт-Виктории, столице Сейшел, и вручил Свенстрему письмо от Грениля. Последний и Свенстрем работали вместе ранее, и Свенстрем ожидал именно такого письма; но его разочарование при виде Тренчарда было острым. Этот тихий маленький человек, Тренчард-пират, Тренчард-контрабандист, Тренчард-странствующий рыцарь Индийского океана! Невероятно! Тренчард прочёл его мысли и слегка улыбнулся.

— Лучше войди в дело, — сказал он, указывая на письмо, которое держал Свенстрем. — Я встретил Грениля на Маврикии, и он сел на скотовоз до Мадагаскара, пока я приехал сюда за тобой. Гренилль устраивает дела там; я занимаюсь транспортом; затем мы пересекаем Мозамбикский пролив, и ты устраиваешь реализацию товара в португальской Восточной Африке. Меня там не любят, но это единственное место, где мы можем избавиться от свободного золота.

Свенстрему пришлось рассмеяться при этом, ибо он проводил много времени в португальской колонии и знал всё об этом. Правда, они не любили Тренчарда там — вплоть до крупной награды, мёртвым или живым. Тренчард помог какому-то арабскому шкиперу вывести его дау из жадных лап коррумпированного чиновника, одно потянуло за собой другое; людей убили; португальский каботажник выбросило на берег с перерезанными тросами; сдвинутые буи посадили канонерку на коралловый риф; и по довольно высокой цене араб получил своё дау обратно и бежал на Занзибар.

— Гренилль не вдаётся в подробности, — сказал Свенстрем, взглянув на письмо.

— Его слово для меня закон, — ответил Тренчард. — Пятьдесят тысяч фунтов свободного золота. Как насчёт тебя? Разделим на троих, если войдёшь.

— О, я знаю Грениля; конечно.

— Тогда поднимайся на борт через час. Мне нужно уйти, прежде чем узнают, кто я такой.

На этом всё. Свенстрем смотрел, как стройная фигура удаляется, вспомнил острый ум в сверкающих серых глазах и принял решение мгновенно. Странно, что принял, ибо он был медлительным и подозрительным типом, медленно доверяющим, склонным прощупывать человека хитрыми словами и скрытными звонами монет. Теперь, стоя под свистящим такелажем, слыша скрип снастей, наблюдая за стройной фигурой Тренчарда, машущей то левой, то правой рукой, он взглянул вперёд на бесплодный берег сузившимися и тревожными глазами. Он не мог понять, почему находится в этой нелепой затее, почему такой человек, как Тренчард, настолько глуп, чтобы держаться за парусную шхуну в эти дни пара, почему запах сырого золота и слово Грениля соблазнили его. Иногда страх и нерешительность поражали его дух, и это был один из таких моментов, когда очертания красных холмов приближались, и шхуна металась туда-сюда среди коралловых рифов, не имея ни одного рифа в своём гудящем гроте.

Что касается Тренчарда, стоявшего наверху и ставившего на кон смерти своё быстрое суждение о зелёной, коричневой и чистой бирюзовой воде, его мысли лишь мимолётно касались белого человека внизу. Он не испытывал особой симпатии к Свенстрему, прощупал глубины этого человека на пути на юг и держался отстранённо. И всё же Свенстрем был крайне нужен в предприятии, не был трусом и обладал бульдожьей надёжностью во времена настоящего напряжения; странно, но именно в другое время этот человек мог ослабнуть. Это, однако, было неважно, или так казалось. Соглашение состояло в том, что Грениль должен быть абсолютным командиром на берегу здесь, Тренчард — в море, а Свенстрем — когда они достигнут португальской Восточной Африки.

Теперь скалистый, холмистый берег начал открываться впереди, внутри Пойнт-о-Иль, где маленькая река Ифонци впадала в море; появилось несколько разбросанных островков, хотя на небольшом расстоянии или с моря они были совершенно невидимы на фоне холмов. Шхуна неслась вперёд, то вправо, то влево, словно смерть не лежала прямо под её носом; Юсуф стоял, упёршись ногами в качку, легко раскачиваясь коленями и бёдрами, его взгляд метался между береговыми отметками и фигурой наверху, ведущей путь. Вскоре он открыл тонкие губы, и несколько слов поплыли вверх; Тренчард осмотрел воду впереди, нашёл её чистой тёмно-зелёной, кивнул в подтверждение и спустился на палубу.

— Два румба по левому борту, как она сейчас лежит, — сказал он Свенстрему. — Это сигнал от Грениля. Всё чисто.

Свенстрем посмотрел в бинокль. От одной из выступающих скал на берегу вилась тонкая струйка серого дыма, быстро рассеиваемая ветром. Через мгновение она погасла, исчезла. Шхуна шла вплотную вдоль берега.

— Внутри кораллов, — заметил Тренчард. — Хорошая глубина здесь тоже — двенадцать саженей как минимум. Юсуф должен идти внутрь этих островов —

Внезапно голос Юсуфа ударил по двум мужчинам.

— Клянусь Аллахом и Прекрасными Именами Аллаха! — воскликнул он и перешёл на французский. — Посмотрите вон туда, над мысом!

Свенстрем посмотрел, не понимая. Тренчард посмотрел, и его губы сжались. На фоне красноватых холмов, в глубине над выступающим мысом, поднялся на ветру второй столб дыма; не тонкий и серый и осторожный, как сигнал от Грениля, а тёмный и массивный столб, который колыхался вверх и затем рассеивался. Он поднимался, пока они смотрели; затем постепенно истончался и превращался в струйку, и эта струйка терялась из виду за холмом.

— Что это значит? — спросил Свенстрем.

Тренчард посмотрел на араба, который вскинул голову в отрицании.

— Трудно сказать. Не Грениль.

— Нет? — Свенстрем быстро взглянул на капитана. — Кто тогда? Туземцы?

Тренчард лишь молча покачал головой. Этот тёмный дым был необъясним для него; и всё же он не мог им пренебречь, и это беспокоило его. Не Грениль, определённо. Почти наверняка не враг, ибо здесь враг не стал бы рекламировать своё присутствие, а нанёс бы удар невидимо. Французов здесь поблизости не было, и мало туземцев, ибо эти голые вулканические холмы не давали пропитания горбатому скоту острова. Деревни не было; не было даже горной дороги. Этот дым мог быть разведен какими-то туземцами, невзирая на шхуну, огибающую побережье; это было единственное правдоподобное объяснение на данный момент. Тем не менее Тренчард оставался смотреть на красные холмы, которые теперь были пусты от малейшей струйки дыма, с лёгкой складкой на лице. Он не мог пренебрегать такими вещами. Он жил, обращая на них внимание. Всё необычное было предупреждением, символом. И теперь он чувствовал смутное беспокойство, предчувствие, внутреннее предостережение, что этот дым будет иметь большое значение, если только он сможет правильно его истолковать.

— Грениль должен знать, — сказал он после некоторого времени.

Острова открывались теперь — крошечные кусочки скалистой растительности, предлагающие слабое укрытие от ветра. Голос Юсуфа треснул, и коричневые люди бросились к работе. Шхуна, уменьшая скорость, когда парус был взят на рифы или свёрнут, скользила вперёд, осторожно пробиралась мимо первого островка, затем внезапно развернулась на пятке с последним остатком управляемости. Раздался всплеск, грохот бегущего каната, рывок за линь, и она замерла в крошечной невидимой гавани, расщелине в скалах острова. Берег был массивным и отвесным, в четверти мили отсюда, окаймлённый прибоем.

— Спустить шлюпку, — тихо сказал Тренчард. Он ещё раз взглянул на высокие красные холмы, ибо не мог выбросить этот дым из головы; но холмы были пусты и голы, латунная синева неба не запятнана. Тренчард пожал плечами и отвернулся.

Глава II

Трое партнёров обсуждали дело за обедом, который предоставил Грениль. Они сидели в прохладной тени расщелины в высоких скалах — крошечной нише, где даже небо было отрезано; вход давал им вид на узкую полоску берега, высокий прибой и шхуну, прижавшуюся к скалистому островку. Юсуф поставил мальгашей убирать верхние мачты и отдавать кормовой канат; она могла простоять здесь год незамеченной, неугаданной. Грениль оставил свой лагерь и людей в полумиле отсюда, в ущелье реки Ифонци.

— Я тоже не понимаю этого чёрного дыма, — сказал он. — Но один из моих парней пошёл разузнать. Он доложит нам сюда, так что будьте спокойны. Хорошие у меня люди, эти мои!

— Лучше бы им быть хорошими, — буркнул Свенстрем и беспокойно заёрзал под взглядом Тренчарда.

Грениль был жилистым маленьким человеком с копной чёрных волос, скрывавших острые, жёсткие черты лица. У него был курносый нос с раздутыми ноздрями, а под тяжёлыми веками глаза были коричневыми, светящимися и горящими энергией; он совсем не говорил по-английски, но двое других прекрасно понимали французский.

Каждый из троих был особого типа. Здесь, в этой каменной щели, откуда весь мир был отрезан, ощущалось явное столкновение характеров. Грениль проявлял сдержанное рвение и живость, нервную горячность, хорошо удерживаемую в узде, нетерпение, которое лежало под туго натянутым поводом. Телосложение и мощные черты Свенстрема, его бычья шея выдавали гораздо большую физическую силу, но куда меньшую выдержку; в нём была грубая жилка, которая могла прорваться, дай ей только повод. Тренчард, чьи каштановые волосы казались тёмными и вьющимися от пота под сдвинутой назад кепкой, выказывал абсолютное подчинение материи разуму; сама сила его тихой сдержанности впечатляла. Когда он закурил трубку и откинулся на скалу, это было словно сигнал, которого ждали остальные.

— Подробности, — сказал Свенстрем. — Я хотел бы знать игру, Грениль.

Француз рассмеялся и потрепал свои чёрные усы.

— Мои друзья, вы мне льстите! Что ж, вы понимаете: у меня есть друзья среди туземцев, нехристианизированных хова западного побережья. Они знают, что мне можно доверять, что чиновники не совсем мои приятели. Так через них я узнал о сокровище, спрятанном во времена французского завоевания. Это большое количество свободного золота, составляющее пятьдесят или более тысяч английских фунтов. Туземцы не могут им воспользоваться. Если они попытаются, французы зададут вопросы, заставят раскрыть клад. Никакой выгоды они из него извлечь не могут. Но если я, которому они доверяют, смогу обратить его в деньги, они отдадут мне три четверти. Они будут рады получить одну четверть, и они знают, что мне можно доверять.

Свенстрем нахмурился.

— Такие истории мы уже слышали, — сказал он, впрочем добродушно, чтобы не обидеть. — Если бы я знал, что речь идёт об этом туземном золоте —

— Если Грениль говорит, что оно там, — сказал Тренчард, — значит, оно там.

Грениль блеснул белыми зубами в быстрой улыбке.

— Оно там; я видел его и держал в руках. Два дня пути вглубь страны отсюда, чуть дальше дороги, ведущей в Антсондрина, и было зарыто в больших глиняных кувшинах. Вожди вынесут его и сошьют в кожаные тюки, готовые для нас. Они предоставят носильщиков. Вы, ребята, пойдёте и заберёте его. Я останусь заложником за золото, гарантией.

Тренчард тихо рассмеялся и взглянул на Свенстрема, который был поражён.

— Надеюсь, теперь ты доволен нашим Гренилем?

— Мне не нравится оставлять тебя в их руках, — сказал Свенстрем. Француз пожал плечами.

— Это безопасно. Я знаю вас, людей. Если шхуну поймают, если случатся несчастья, мне не причинят вреда. Я остаюсь гарантией вашей честности в обращении с золотом; вот и всё. У туземного ума странные изгибы, мои друзья.

— Ладно, — сказал Тренчард, слегка шевельнувшись. — Когда выступаем?

— Когда будете готовы, — сказал Грениль.

Тренчард встал, зевнул, выбил трубку.

— Я готов сейчас. Нам понадобится Ах Син готовить для нас. Нужны ещё люди?

— Нет, — сказал Грениль. — У меня в лагере шесть туземцев. Но ты, Свенстрем! Я принял как должное, что ты сможешь устроить дела в Лоуренсу-Маркеше. А?

— Да. — Свенстрем задумчиво кивнул. — Это будет стоить немного, может тысячу фунтов, но можно устроить.

— Тебе не обязательно идти за ним, если не хочешь. — Тренчард посмотрел на него сверху вниз. — Если предпочитаешь остаться здесь со шхуной —

— К дьяволу, нет! — Свенстрем вскочил на ноги. — Мне нравится земля под ногами, а не океан.

В этот момент трое мужчин были в полном согласии. Между ними существовала абсолютная вера, взаимозависимость. Жизнь Гренилля была поставлена на карту их честностью, за которую он поручился перед туземцами. Жизнь Свенстрема зависела от способности Тренчарда благополучно достичь африканского побережья. Жизнь Тренчарда зависела от заверений Гренилля в безопасности здесь и от способности Свенстрема уладить дела с португальскими чиновниками на другом конце. Одно слабое звено в этой цепи погубило бы всех троих.

— Тогда зови своего дьявольского жёлтого человека, — сказал Грениль, поднимаясь. — Я оставлю одного человека здесь присматривать за шхуной и дать нам знать, если что-то пойдёт не так.

— Ничего не пойдёт не так здесь, — сказал Тренчард. — Я оставляю Юсуфа за старшего.

Он ушёл, проходя по расщелине к открытому берегу, шагая по белому песку до самой кромки воды. Там он начал подавать сигналы шхуне. Грениль собрал обеденные принадлежности. Свенстрем смотрел вслед капитану.

— Он доверяет этому арабу, — пробормотал он.

Грениль поднял голову и рассмеялся. — Почему нет? Когда знаешь — доверяешь. Он в величайшей опасности. Ты торговец хорошего положения и, в худшем случае, будешь выслан с острова. Моя сестра замужем за высоким чиновником в Париже; я рискую мало. Но Тренчард — ах! Пуля ему, если поймают… Он возвращается.

Тренчард возвращался в расщелину. Теперь он поднял руку и голос к двум мужчинам.

— Твой человек идёт, Грениль!

Они поспешили наружу. Бегом вдоль берега под скалами к ним приближался туземец, копьё в руке — высокий бронзовый человек с раковинами в ушах и ноздрях. Он подбежал к троим, отдал честь и выпалил мальгашский язык Гренилю. Тот слушал с недоверием, осветившим его карие глаза.

— Он говорит, — перевёл француз, поворачиваясь, — что чёрный дым был сигналом, сделанным вашему кораблю. Я этого не понимаю! Он говорит, что видел странного белого человека одного на склоне холма, маленького человека с длинными золотыми волосами, который нёс винтовку и шёл к морю, следуя по реке. Поэтому он найдёт мой лагерь.

Трое переглянулись, озадаченные.

— Идите посмотрите, — сказал Тренчард. — Ах Син высаживается на берег.

Грениль приказал туземцу взять корзину. Через линию валов к берегу шла шлюпка. Она врезалась в пляж, и Ах Син выскочил, прижимая к своей чёрной шёлковой куртке узел.

Шлюпку оттолкнули, развернули, она на мгновение повисла, затем пробилась сквозь первую линию прибоя и направилась ко второй.

— Ты встречал Ах Сина раньше, Грениль, — сказал Тренчард. Француз засмеялся над жёлтым человеком, который ответил ему ухмылкой. Затем пятеро отправились вдоль берега к лагерю Гренилья.

Они шли быстро, хмурясь, молча, гадая, какого рода человека увидят. Один человек сам по себе не означал опасности, но его присутствие означало бедствие. Одно неосторожное слово, пущенное по ветру, принесло бы неприятности. Если власти узнают, что Грениль, Тренчард и Свенстрем были здесь на Мадагаскаре вместе, начнётся расследование — а если оно случится до того, как золото будет надёжно обращено в деньги, это приведёт к разорению. Свенстрем не хотел, чтобы на него падало подозрение, ибо в глазах мира он был торговцем и не мог вынести никакого пятна; да и Грениль не желал быть остановленным и расследованным прежде, чем успеет вывезти свою долю. Тренчард особенно не заботился о том, что произойдёт, и всё же не мог избавиться от того предчувствия, которое ощутил при первом виде чёрного столба дыма. Все трое гадали, как лучше обойтись с этим незнакомцем, как заставить его замолчать.

Вскоре они оставили берег и повернули вверх вдоль коричневой реки. Лагерь Гренилья был скрыт среди нагромождения скрученных скал, и они наткнулись на него внезапно, увидели белого человека, стоящего там с пятью полувраждебными хова Гренилья вокруг него. Из груди Тренчарда вырвался низкий свист, и он резко остановился. Свенстрем издал низкий и изумлённый ругательство. Грениль рассмеялся и зашагал вперёд, снимая шляпу по мере приближения.

— Добрый день, мадам! — воскликнул он. Белым человеком оказалась женщина.

Тренчард единственный мгновенно понял, что это должно значить для них, кто увидел своё предчувствие исполнившимся, кто смотрел на эту женщину не как на плоть и кровь, а как на символ того, что неизбежно должно произойти. Поэтому он остановился, и его серые глаза стали холодными.

Женщина посмотрела мимо остальных на него и прочла враждебность, ненависть в его взгляде. Она посмотрела мимо улыбающегося, кланяющегося Гренилья и уставившегося Свенстрема, чьи глаза пожирали её, на стройного человека в белой морской фуражке, сдвинутой на затылок, который встретил её взгляд холодной горечью. Затем эмоция ушла из его глаз, и он снял фуражку. Она добилась хотя бы этого от него при первой, ошеломлённой встрече взглядов.

На женщине был хаки, порванный костюм для верховой езды, и из-под шлема спадали свободные массы золотых волос. Она была миниатюрной, стройной и тонко сложенной, как девушка; и всё же она не была девушкой; Тренчард определил её возраст в двадцать пять лет. Золотистое сияние радостного солнцелюбивого здоровья наполняло её лицо, тёмные брови затеняли глаза богатого и сияющего янтарного цвета — глаза, которые могли широко открыться или сузиться под тяжёлыми и властными веками. Когда она улыбнулась Гренилю, белые и совершенные зубы блеснули, и всё её лицо излучало жадный смех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.